

не история до глубины потрясенного народа, а хорошо знакомая литературоведческая коллизия. По этому поводу Н. В. Корниенко очень точно заметила: "Вопрос об авторстве «Тихого Дона» имеет не текстологический, а политический статус и всегда будет возникать на переломах в жизни нашей «вечной Родины»" (с. 29).

Нет, не случайно главными героями книги Н. В. Корниенко стали А. Платонов и М. Шолохов, "великие поэты и философы русской провинции" (с. 20). Литература выстаивает на глубине, не в официально-казенных произведениях творится история, хотя и их легко со счетов не сбросишь. "Не методические вопросы в этой ситуации представляются главными, а мировоззренческие: утратив религиозное отношение к художественному дару и самой жизни, чаще всего составом книжных полок мы пытаемся объяснить не только появление Платонова" (с. 27).

Н. В. Корниенко не навязывает читателю своих выводов, она старается его убедить. "Мы крайне осторожно делаем выводы и не ставим глобальных вопросов. Наша задача — историко-систематическая и комментаторская, а предмет исследования — реальная история русской литературы первых двух десятилетий советской эпохи" (с. 30). А главное — она стремится избежать замены одной "книгоцентричной", просветительски привлекательной идеи другой, выстроенной по той же схеме, т.е. вне жизненных интересов "неискушенного читателя". Она всматривается в текст, в рукописи, сохранившие бесценные свидетельства "авторских сомнений" (с. 26), следы цензурных помет, штампованных претензий, нередко заменявших в советском литературоведении общественное мнение. Н. В. Корниенко на новом этапе осмысления отечественной литературы предлагает научиться слушать язык народа, его "смех и слезы, любовь и гнев", перечитать заново хорошо знакомые тексты, для того чтобы приблизиться к решению проблем, которые нам оставил XX век. Ее монография — пример новых перспективных подходов к созданию реальной истории русской литературы завершившегося столетия.

Т. А. Никонова

Никонова Т. А. "Новый человек" в русской литературе 1900–1930-х годов: Проективная модель и художественная практика. — Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. — 232 с.

Каковы задачи литературы? Отечественной — всегда были связаны с поиском ответов на вопросы смысла и содержания жизни и смерти, места человека в мире и с выстраиванием идеальной схемы поведения героя, призванной стать образцом для

подражания. Возьмем ли мы "Поучение" Владимира Мономаха, "Житие Сергия Радонежского", "Слова и речи" Феофана Прокоповича, "Капитанскую дочку" Александра Пушкина, "Войну и мир" Льва Толстого — все эти произведения от прямого ли, от противного, но являлись исследованиями проблем не быта, а бытия. Ныне многие кивают на глубокую содержательность русской классики как едва ли не на претенциозность и отстаивают идею примата эстетических критериев при оценке явлений "искусства слова", дескать, оставьте кесарю кесарево. Принято при этом ссылаться на богатый опыт исканий модернистов — авангардистов и не критически растягивать период исторического авангарда от 1910–1930-х годов до наших дней. "Литература умерла", "автор умер", "герой скончался" — наши профессиональные плакальщики от филологии причитают на эту тему лет пятнадцать, будучи, видимо, не в курсе, что идеолог постмодернизма Р. Барт уже отрекся и от "текста", и от "безавторья". Наигрались, хватит.

Тем отраднее — и своевременней — появление книги, добротного и основательного исследования, в лучших традициях отечественного классического литературоведения анализирующей рубежное явление — литературу 1900–1930-х годов — с точки зрения ее включенности в многовековую магистральную тенденцию отечественной словесности. Монография Т. А. Никоновой освещает еще один этап развития единого национального литпроцесса, выявляя и утверждая на очень сложном примере именно его единство, во-первых, а во-вторых, незыблемость и неустрашимость в русской творческой мысли бытийных ценностей и основ, закономерность постоянного к ним возвращения влюбые, даже самые катастрофические для народного сознания времена. В книге представлены ведущие концепции человека в мире, отраженные в литературе рассматриваемого периода. Охват имен и явлений широк, но особое внимание уделяется моделям И. Бунина, М. Горького, писателей-орнаменталистов и преодолевших орнаменталистские тенденции авторов 20-х годов, а также исканиям А. Платонова и М. Шолохова. Выбор приоритетных имен и текстов обусловлен масштабностью либо творческой личности, либо количественного охвата "методом"; первые авторы закономерно привлечены вследствие повышенной способности к типизации и обобщениям, вторые — вследствие широты охвата явлений жизни и типичности (следовательно, знаковости) собственного взгляда на проблему.

Рассматривая русскую литературу первой трети XX века как целостный этап, Т. А. Никонова суть его видит в преодолении

кризиса идей народоцентризма, оставшегося в наследство от XIX столетия. На рубеже веков связка "человек и среда" дополняется связкой "человек и мир" и выявляются две тенденции в трактовке личности: 1) утверждение человека индивидуального, существа метафизического, имеющего право на выбор и 2) объективация человека "внутреннего" и переделка его через изменение социума. Но объединяла эти две тенденции необходимость "оправдания" личности внеличностной целью. И если "бездомный мир" для И. Бунина — аномалия, сознание пограничности старого и нового — трагично, а герой, "родовое существо", совершает внешне немотивированные личностные поступки в надежде на обновление, то для М. Горького "бездомность" мира есть исходная данность для движения в будущее, для создания "нового человека", который, с одной стороны, способен "дать людям земного бога", а с другой — ощущает "духовное родство каждого со всеми", растворяющее индивидуальность в массе. Для И. Бунина человек может быть истолкован лишь в онтологии, время его бытия — "несчислимое", путь его есть уход от целого (род-семья-человек) и возвращение к нему же по вечному закону смерти-рождения, из чего и следует, что "мир и человек" имеют единую самопорождающую структуру. Для М. Горького человек живет только во времени историческом. Он отдан "злобе дня", ею же измерен, действует лишь при наличии социально обозначенной потребности ("Цена человеку — дело его"). Поступки такого героя мотивированы их социальной адресностью. Человек существующий негармоничен, поэтому миру необходимо вырастить "нового человека", недоступного власти чувственной стихии, реализующего себя в общественном деле. После революции в России, естественно, охотнее прислушиваются к голосу Горького. Но путь, им намеченный, новая литература реализует возможно с неожиданным для старой народнической или новой богостроительской традиции уклоном.

В 20-е годы место мифологизированного некогда народа заняла не менее мифологизированная "масса" как обозначение жизнеспособного человеческого единства. За модернистскими формами повествования скрывались все те же привычные ментальные механизмы господства общего над личным. Но если эпический образ "героя-массы" А. Малышкина и др. обесмысливал все проблемы, связанные с личностным выбором, то "герой массы", близкий горьковскому "новому человеку", утверждал образец революционной эпохи, основой которого делается сила, воля, животная способность выживать — и все это во

имя победы, становящейся смыслом и целью жизни, правом на лидерство (Д. Фурманов, А. Серафимович). Лидер начинает противостоять массе по праву вождя (у Д. Фурманова, А. Фадеева), и мифологема трансформируется в идеологему. По сути, это модель пути от народа, от героя-легенды к индивидуальной человеческой судьбе. И наконец, во второй половине 1920-х годов в творчестве А. Платонова и М. Шолохова начинается возвращение к идеям литературы "антропологического ренессанса" начала века, утверждавшим мысль о жизни как о самоорганизующемся единстве. Если "новый человек" предреволюционной эпохи умер в герое массовом, то человек литературы "антропологического ренессанса" проявился в "сокровенных" формах образов Пухова и Мелехова, утвердив необходимость в существовании каждого, исполняющего закон преемственности поколений, преодолевающего вынужденное сиротство возвращением к миру. Приняв мир в потерях и разрушениях рубежей и революций, отыскивая опору для дальнейшего пути в "бездомной" вселенной, герой вышел за пределы классового в бытийное (А. Платонов), в общенародный опыт (М. Шолохов), сохранив интерес и уважение и к человеческой "сокровенности", и к пространству жизни, которое ему предстояло возвращать в состояние "обустроенности".

Таким образом, отметив решающую роль мифопостроений в литературной практике первой трети XX века, Т. А. Никонова сама насколько научно, настолько и художественно (здесь прием!) закрепляет свой тезис указанием на цикличность развития литпроцесса в рамках рассматриваемой эпохи. Миф о народе, миф о человеке бытийственном, пройдя искус эпизации, возвращается в ином качестве — через внешне сутубо реалистические построения того же М. Шолохова. Но, указывает Т. А. Никонова, в своих поисках эта эпоха — целиком наследница как этических, так и эстетических исканий века серебряного, эры позитивизма (вторая половина XIX столетия), а мы добавим — и мощной многовековой традиции развития национальной словесности. В. Маяковский прав, возглашая: "Были времена — прошли, былинные. Ни былин, ни эпосов, ни эпопей!" — прав, потому что историческое всегда растворится (и растворялось, и растворяется) в онтологическом, в бытийном. Создание не былин, эпосов, эпопей, но Мифа, объясняющего мир и человека в нем, — вот цель и судьба русской литературы, невзирая на модные веяния и преходящие умопостроения *homo ludens*.

В. Тимофеева